

Срок переаттестации гладкоствольного оружия, мы полагаем, должен быть пять лет. По прошествии этого времени нужно проводить повторный отстрел оружия. Полагаем, что необходимо предусмотреть наказание за невыполнение данных требований. Например, самостоятельное удаление штрихкода – конфискация оружия и последующее его уничтожение, лишение охотничьего билета на срок не менее пяти лет, а также наложение штрафа. Самостоятельное нанесение штрихкода можно приравнять к изготовлению самодельного оружия, т. е. ввести за это уголовную ответственность.

Анализ данного вопроса показал проблемы в реализации предлагаемой идеи. Во-первых, с идентификацией не хотят связываться заводы-изготовители, так как это лишняя трата средств, дополнительная технологическая цепочка при изготовлении оружия. Для изготовителя оружия данный вопрос не интересен, его в первую очередь волнует рентабельность оружия и его конкурентоспособность. Во-вторых, неготовность сегодняшней разрешительной системы, прежде всего МВД, к ведению еще одного вида учета – дополнительная нагрузка. Это потребует технического оснащения подразделений разрешительной системы ОВД – средства цифровой обработки и логистика нового вида учета. В-третьих, потребуется качественно новое обоснование научных основ для идентификации по штриховому коду, для последующего решения вопроса создания нового вида баллистического учета в системе криминалистической регистрации.

УДК 343.13

Н. С. Костенко,

*кандидат юридических наук, заместитель начальника
научно-исследовательского отдела
Волгоградской академии МВД России*

К. С. Муравьева,

*научный сотрудник научно-исследовательского отдела
Волгоградской академии МВД России*

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ – СДЕЛКА С ПРАВОСУДИЕМ ИЛИ СДЕЛКА С СОВЕСТЬЮ?

В середине 2009 года в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) появилась новая глава 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». Нормы данной главы регулируют порядок заключения и реализации досудебного соглашения о сотрудничестве, целью которого является

полное раскрытие и расследование преступлений, установление всех лиц их совершивших, а также выявление новых преступлений и розыск похищенного имущества (ч. 2 ст. 317 УПК РФ).

Очевидно, что раскрыть и расследовать каждое преступление и установить виновных в его совершении лиц получается далеко не всегда, происходит это в ряде случаев и по причине создания организованных преступных групп с системой конспирации и собственной безопасности, применения преступниками различных мер по сокрытию совершенных ими преступлений.

В связи с этим соглашение о сотрудничестве и предназначено для эффективного раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, заказных убийств, фактов бандитизма, экономических преступлений, в том числе и коррупционной направленности. Фактически он предоставляет правоохранным органам возможность привлекать к сотрудничеству со следствием лиц, состоящих в организованных группах и преступных сообществах, на условиях значительного сокращения им срока уголовного наказания. Тем более законодатель предоставил возможность его заключения при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, что позволяет достаточно широко применять положения гл. 40.1 УПК РФ.

По своей сути досудебное соглашение о сотрудничестве представляет собой сделку, в которой подозреваемый или обвиняемый на стадии предварительного следствия предоставляет лицу, его осуществляющему, ценную информацию в обмен на особый порядок рассмотрения их уголовных дел в суде, смягчение наказания и распространение на них мер государственной защиты, предусмотренных законодательством для потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства.

Можно сказать, что досудебное соглашение о сотрудничестве – это соглашение между сторонами обвинения и защиты на взаимовыгодных как для стороны обвинения, так и для стороны защиты, условиях. Кроме того, досудебное соглашение о сотрудничестве позволяет ускорить процесс уголовного преследования. Это положительный момент как для сотрудников правоохранительных органов, так и для подозреваемых или обвиняемых, которые в случае активного сотрудничества могут рассчитывать на узнанные преференции.

Стоит обратить внимание на то, что особый порядок принятия решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве вовсе не упрощенная форма судопроизводства, поскольку его значение не в упрощении разбираемости по делу, а, по словам А.С. Александрова, «в переходе к новому, основанному на компромиссе, способу противодействия преступности, к избирательности уголовной репрессии, расширение правовой базы для сотрудничества обвинительной власти с обвиняемыми» [1, с. 3–8].

Вместе с тем важно видеть и некоторые сложности, отрицательные моменты, возникающие при реализации положений закона, связанных с институтом «досудебное соглашение о сотрудничестве» в современной России.

Так, отечественная практика органов внутренних дел по применению института «досудебное соглашение о сотрудничестве» столкнулась со многими проблемами. Трудности, связанные с его применением, на сегодняшний день наглядно демонстрируют отсутствие какой-либо организации работы в данном направлении, что не позволяет заключать такое соглашение в больших объемах. Так, по данным Верховного суда Российской Федерации, за первые шесть месяцев 2014 года судами общей юрисдикции в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве было осуждено 1925 лиц, что составляет только 0,5 % от общего числа осужденных за указанный период.

Остается бесспорным, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве, как и многие другие вопросы уголовного судопроизводства, регламентирован недостаточно полно. Неудивительно, что при отсутствии четко налаженной практики его применение порождает много вопросов. В частности, отсутствует четкость относительно разъяснения органом предварительного следствия подозреваемому или обвиняемому права на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, а также права на защиту личности, заключившей такое соглашение, не рассмотрено взаимодействие органов предварительного следствия и дознания по реализации информации, полученной в результате досудебного соглашения о сотрудничестве и т. д.

В настоящее время возникает необходимость в разработке дополнительных норм уголовно-процессуального законодательства, касающихся правовых и организационных вопросов заключения и реализации досудебного соглашения о сотрудничестве.

Несмотря на это, как правильно отметил Л. Брусницын, новый институт – свидетельство, пусть запоздалое, признания в России концепции расширения компромиссов в уголовной политике, реализация которой в зарубежных странах дает ощутимые результаты в борьбе с преступностью [2, с. 11–13].

По мнению Шаталова А.С., процедура заключения досудебного соглашения изначально не предназначена для массового применения, но претендует на то, чтобы стать реальной мерой, направленной на борьбу с организованными формами преступности [3, с. 30–40]. Как показывает мировой опыт, никаких других действенных способов борьбы с такого рода преступлениями и защиты от них законопослушных граждан, общества и государства пока придумать не удалось. Необходимо признать, что при всех своих недостатках, с которыми в настоящий момент столкнулись правоприменители, особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве объективно востребован и необходим. Поэтому невозможно согласиться с мнением, что введение в российское уголовное судопроизводство предусмотренно-

го главой 40.1 УПК РФ порядка принятия судебного решения повлечет только лишь негативные отрицательные последствия [4, с. 9].

Главный недостаток сделок с правосудием, по мнению юристов многих стран, в том числе и российских юристов и ученых-процессуалистов, заключается в том, что обвиняемый может оговорить кого угодно, чтобы смягчить свое наказание. Вместе с тем они признают, что, заключая такие сделки, прокурор и правоохранительные органы экономят свое время, а также время и бюджетные расходы на судебное разбирательство, при этом достигая нужного результата: лицо, виновное в совершении преступления, несет заслуженное, пусть и относительно мягкое, наказание.

Кроме того, появление досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе оценивается неоднозначно. Есть как активные сторонники этой новеллы, так и ее противники. К примеру, М. Антипцев, анализируя выводы В. Вологина, считает, что принять в России нормы по «сделке с правосудием недопустимо», поскольку «даже за ценную для следствия или сыщиков информацию и доказательства аморально и опасно освобождать от наказания убийц, наркобаронов, педофилов и прочих лиц, несущих высокую социальную опасность» [5].

Поскольку сама целесообразность такого нововведения и готовность нашего общества его принять требует более глубокого и подробного исследования, возникает вопрос: насколько досудебное соглашение способно обеспечить реальное содействие обвиняемого и подозреваемого раскрытию и расследованию преступлений и насколько оно защищено от перспектив мутации в новый коррупционный фактор?

Существующий на сегодняшний день порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве состоит из нескольких этапов, где должностное лицо принимает то или иное решение, конкретные пределы которого законом не определены. Вследствие чего такие решения могут приниматься исходя из субъективного фактора либо иной другой заинтересованности.

Как утверждает И. Петрухин [6, с. 35–36; 7, с. 83–85], когда заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым и обвиняемым возлагается федеральным законом только на одно должностное лицо, пусть и достаточно высокого статуса – прокурора, коррупционная опасность при исполнении этой нормы закона в данном случае значительно возрастает. И с этим нельзя не согласиться.

Разделяя его точку зрения, считаю, что создание иного процессуального порядка заключения соглашения о сотрудничестве может быть более открытым и менее коррупционным. Представляется, что при заключении соглашения наряду с прокурором должны участвовать еще и другие лица – следователь (в действующем порядке заключения не имеющий права подписи досудебного соглашения о сотрудничестве) и потерпевший (роль которого в ныне действующем законодательстве, регламентирующем досудебное соглашение о сотруд-

ничестве, вообще не определена), а само решение о заключении соглашения о сотрудничестве по ходатайству прокурора принимал бы суд (поскольку только суд устанавливает вину и назначает наказание).

Кроме того, существующий порядок создает возможности взяточничества и других злоупотреблений стороны органов предварительного расследования. Поскольку следователи, подстрекая подозреваемых или обвиняемых к заключению такого соглашения (в том числе с помощью незаконных приемов), смогут легко освободить себя от раскрытия опасных преступлений, либо уже обладая оперативной информацией о преступлении, за определенное вознаграждение предлагать лицу заключить соглашение при условии смягчения наказания или изменения меры пресечения.

Разделяя озабоченность проблемой поиска эффективных инструментов влияния на преступника после его изобличения с целью устранения причиненного им вреда, компенсирования издержек судопроизводства, привлечения к ответственности всех виновных лиц, упрощения и ускорения судопроизводства и усиления борьбы с коррупцией, нельзя не отметить, что нормы УПК РФ, регламентирующие институт досудебного соглашения о сотрудничестве, пока еще далеки от совершенства и нуждаются в существенной доработке и проведении обязательной антикоррупционной экспертизы (п. 2 ст. 6 Федерального закона РФ от 25 декабря 2008 года № 287-ФЗ «О противодействии коррупции»).

Эти и другие аспекты свидетельствуют о практической важности и актуальности исследования проблем уголовно-процессуальной деятельности следователя, органа дознания и суда при заключении с обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве.

Введенная российским законодателем процедура заключения досудебного соглашения о сотрудничестве разработана с учетом многолетнего положительного опыта применения аналогичных правовых институтов в других государствах, где механизм заключения различных видов сделок в уголовном процессе, как уже было отмечено ранее, приносит неплохие результаты в раскрытии преступлений.

С точки зрения ряда авторов, уже сама идея о сотрудничестве между обвинением и защитой есть реализация принципа целесообразности, здравый и адекватный подход к социально-экономическим реалиям, отразившийся, наконец, и в уголовно-процессуальных институтах.

Вместе с тем, при наличии таких разных и порой противоречивых мнений относительно появления досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе России, государство получило новый инструмент в борьбе с преступностью. К тому же большинство практических работников следственных подразделений (84,5 % от общего числа опрошенных) и прокурорских работников (84,3 % от общего числа опрошенных), несмотря на все недостатки процедуры заключения и реализации данного соглашения, считают, что его внедре-

ние способно сыграть позитивную роль в успешном расследовании групповых преступлений, в изобличении и привлечении виновных в совершении заказных убийств, фактов бандитизма, преступлений в сфере незаконного оборота наркотических и психотропных веществ и коррупционных преступлений. Особое значение применение данной процедуры имеет по уголовным делам о преступлениях, совершенных в условиях неочевидности, где использование свидетельских показаний для установления обстоятельств преступления заведомо ограничено, а также совершенных в группе, где требуется доказать не только роль каждого из соучастников в достижении преступного результата, но и найти подтверждение признаков предварительного сговора, организованной преступной группы или преступного сообщества (организации).

Поводя итог, можно сказать, что досудебное соглашение о сотрудничестве, как и любое другое соглашение, должно иметь стороны, наделенные правами и обязанностями для достижения целей, которые являются для них взаимосвязанными и охватывают собой взаимовыгодное сотрудничество: подозреваемый или обвиняемый берет на себя обязательства совершать активные действия в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, в обмен на принятие судебного решения в особом порядке и минимизацию уголовного наказания. Последнее, в свою очередь, зависит от стороны обвинения, обязанностью которой и является правильная и качественная реализация сведений, полученных от подозреваемого или обвиняемого.

Кроме того, хотелось бы сказать, что новый институт становится очередным испытанием для практических работников, что выражается, прежде всего, в повышенных требованиях к таким моральным качествам, как честность, справедливость, понимание поставленных перед органами предварительного расследования целей, профессионализм в процессе работы с подозреваемыми или обвиняемыми, заключившими соглашение о сотрудничестве.

1. Александров А. С. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1. УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. № 8.

2. Брусницын Л. В. Сотрудничество со следствием: какие трудности в реализации новых норм УПК РФ ожидают правоприменителя // Уголовный процесс. 2009. № 12.

3. Шаталов А. С. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве: правовая регламентация, достоинства и недостатки // Журнал российского права. 2010. № 5.

4. Кучерена А. Ловушка для мафии или сделка с совестью? // Российская газета. 2009. 9 июня.

5. Антипцев М. Сделка с правосудием: за и против // Журнал руководителя. 2009. 10.03/138. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.journal-volgograd.ru> (дата обращения 16.12.2014).

6. Петрухин И. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету // Российская юстиция. 2001. № 5.

7. Петрухин И. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Москва, 2004. Ч. 1.

УДК 343.98

В. М. Логвин,

*кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры криминалистики
Академии МВД Республики Беларусь*

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ ГЕНОМНОЙ РЕГИСТРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В современных условиях эффективность любой сферы человеческой деятельности, в частности такой как расследование преступлений, напрямую зависит от уровня ее обеспечения разнообразной информацией. Существенное значение в данном случае имеет информация об объектах (предметах), сосредоточенная в различных видах криминалистических учетов. Основная цель которых – содействие выявлению (раскрытию) и расследованию преступлений [1].

Анализ истории криминалистических учетов свидетельствует о том, что на различных этапах развития общества и государства использовались разнообразные технические способы регистрации преступников: клеймение; словесный портрет; антропометрический метод; дактилоскопический метод; сигналетическая фотосъемка и др. [2]. Как справедливо в свое время отмечал И.Н. Якимов, «...все указанные способы регистрации – дактилоскопия, словесный портрет и сигналетическая фотография – в конечном счете, покоятся на том эмпирическом положении, что каждому человеку свойственна физическая индивидуальность, благодаря коей его всегда можно отличить от других, хотя бы на первый взгляд и очень похожих на него людей» [3, с. 30–31].

По нашему мнению, это неслучайно и обуславливается тем, что информация, характеризующая человека, является наиболее ценной в решении задач, возникающих в ходе раскрытия и расследования преступлений, так как позволяет напрямую идентифицировать человека. Ранее по объективным причинам не могли быть использованы в целях регистрации многие из биологических особенностей свойств личности (состав крови, слюны, пота, спермы, тканей тела, потожировые вещества, образующие запах тела и др.). В настоящее время решение данной задачи стало острой потребностью в правоохранительной деятельности, позволяющей получать большой объем информации о разнообразных свойствах человека, необходимых для установления его личности при выявлении (раскрытии) и расследовании преступлений за счет внедрения новых